

тали огромные последствия этого факта. Обоснованное самой природой вещей разделение orbis terrarum на две половины окончательно запечатлелось основанием новой христианской столицы для империи.

Латино-германский Запад приобрел теперь центр в Риме, греческий же Восток — в Византии. Собственно же для Греции творение Константина имело особенное значение, не понятое ни тогдашними эллинами, ни их потомками в течение долгих столетий, а именно благодаря Византии для человечества и были спасены как дальнейшее существование греческой нации, так и сокровища греческой культуры. Не существой Константинополь, и Эллада, и Пелопоннес подверглись бы завоеванию со стороны чужеземцев-варваров, которые бы там и осели; без этого великого и укрепленного города византийское царство так же невысказимо, как невысказимы бы были ни греческая церковь, ни дальнейшее существование гуманистической науки, попавшей под ее охрану.

Через заложение Византии, правда, создалась не только соперница и повелительница для Афин, но возникло начало, прямо-таки враждебное языческому эллинизму. Блеск древней праматери мудрости потускнел перед новым созвездием, ибо это последнее возвестило человечеству умственное преобразование, в процессе которого городу Платона не суждено было отмежевать себе никакого положения. Значение Афин в мировой жизни покоилось исключительно на образовательном влиянии классической древности, а одновременно с последним пал и сам «город мудрости». Вскоре византийцы стали уже на Древнюю Грецию взирать презрительно, сверху вниз, а афиняне, в свою очередь, с ревностью и ненавистью посматривали на то местечко, которое некогда целиком снабжало Афины зерном; теперь же и всей Азии с Сирией и Финикией оказывалось уже недостаточно, чтобы напитать голодную чернь, которую Константин согнал в Византию из осиротелых городов империи¹

¹ Эвнаний в Aedesius, стр. 462.